

ПЛАТОН

ФЕДР

Диалоги

Платон

Федр

«РИПОЛ Классик»

УДК 11
ББК 87.3

Платон

Федр / Платон — «РИПОЛ Классик», — (Диалоги)

«Федр» — один из диалогов Платона. В «Федре» показана философская беседа Сократа с Федром, частым собеседником Сократа и, по свидетельству Диогена Лаэртского, любимцем Платона. В этой беседе Сократ отвергает ложное красноречие и доказывает, что диалектика должна быть ценной только при условии, что она опирается на истинную философию. Раскрывается значение истинной любви, изображение любви связывается с рассмотрением природы души. В «Федре» запечатлены важные стороны учения Платона об «идеях», об их познании, о прекрасном, о постижении прекрасного и любви к прекрасному.

УДК 11
ББК 87.3

Содержание

ФЕДР	5
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Платон ФЕДР

ФЕДР

В диалоге участвуют

ФЕДР

СОКРАТ

Сократ. А, любезный Федр! Куда и откуда?

Федр. От Лисия, сына Кефала, Сократ; иду прогуляться за городской стеной: я ведь провел у него все время, с самого утра. А по дорогам прогуливаюсь потому, что исполняю предписание моего и твоего друга Акумена: он говорит, что прогулка там не столь утомительна, как в дромах.

Сократ. Акумен говорит хорошо, друг мой. Так Лисий уже в городе?

Федр. Да, у Эпикрата, в том доме Морихия, что подле олимпийского храма.

Сократ. Чем же вы там занимались? Уж конечно Лисий угощал вас речами.

Федр. Узнаешь, если имеешь досуг идти и слушать меня.

Сократ. Как, разве ты думаешь, что для меня, говоря словами Пиндара, не выше и самого недосуга слушать о твоей беседе с Лисием?

Федр. Так иди же.

Сократ. Лишь бы говорил.

Федр. Изволь, Сократ. Да это как раз и пристало бы тебе послушать, потому что предмет нашей беседы – не знаю, уж отчего так получилось, – случился любовный. Лисий, видишь ли, написал, каким образом одного красавца сманивал человек, в него не влюбленный. Но хитрость-то именно в следующем: он говорит, что должно быть благосклонным более к тому, кто не любит, нежели к тому, кто любит.

Сократ. О благороднейший человек! Если бы он еще написал, что лучше быть благосклонным к бедному, чем к богатому, лучше к старику, чем к молодому, и так обо всем, что выгодно для меня и для многих из нас! Подобные речи как были бы любезны и полезны народу! Теперь у меня такая охота слушать, что если бы ты свою прогулку сделал даже к Мегаре и, дошедши до ее стен, по совету Геродика, предпринял обратный путь, то и тогда я не отстал бы от тебя.

Федр. Что ты это говоришь, почтеннейший Сократ? Могу ли я, человек простой, надлежащим образом припомнить все, что Лисий, превосходнейший из нынешних писателей, сочинял долго и на досуге? Куда уж мне! Хотя, конечно, я более хотел бы этого, чем большого богатства.

Сократ. О Федр, если я не знаю Федра, то забыл и себя; но нет – ни то ни другое. Мне очень хорошо известно, что, слушая речь Лисия, он слушал ее не один раз, но приказывал повторять себе многократно, и Лисий охотно повиновался. Ему и этого было мало; наконец он взял свиток, пересмотрел все, что особенно хотел, просидел над этой работой с самого утра и

потому, клянусь собакой, изучив наизусть все сочинение, если только оно не слишком длинно, и утомившись, как мне кажется, пошел прогуляться. Пошел он за городскую стену, чтобы предаться размышлению, но встретился с человеком, который страдает недугом слушания речей, увидел его – увидел и, обрадовавшись, что найдет в нем такого же поклонника, приказал ему идти с собой. Когда же этот любитель речей стал просить его пересказать слышанное, он начал жеманиться, как будто бы ему не хотелось; а окончил бы тем, что пересказал бы и насильно, если бы не слушали его по доброй воле. Итак, сделай теперь, Федр, по моей просьбе то, что весьма скоро сделаешь ты и без просьбы.

Федр. Для меня и в самом деле гораздо лучше пересказать тебе как могу. И ты, кажется, не оставишь меня, пока я как-нибудь не закончу своего рассказа.

Сократ. Да и очень справедливо тебе кажется.

Федр. Я так и сделаю. Но ведь слова-то, в самом деле, Сократ, я всего менее заучил, а мысли о том, какие преимущества на стороне влюбленного и невлюбленного, заметил почти все и, начиная с первой, в общих чертах и по порядку изложу тебе каждую.

Сократ. Покажи наперед, любезный, что ты там держишь в левой-то руке, под плащом. Я догадываюсь, что это-то и есть у тебя та самая речь. А если так, то вот какое имей обо мне понятие: сколько я ни люблю тебя, но не допущу, чтобы ты учил меня и в присутствии Лисия. Нука покажи.

Федр. Перестань, Сократ. Ты лишаешь меня надежды испытать с тобой свои силы. Но где же нам расположиться для чтения?

Сократ. Повернем сюда и пойдем по берегу Илиса, а потом сядем себе в тиши, где понравится.

Федр. Кстати, кажется, случилось, что я босиком: ты-то уж всегда так. Освежая ноги водою, мы будем идти с большею легкостью и приятностью, особенно в это время дня и года.

Сократ. Иди же вперед и смотри, где бы нам присесть.

Федр. Видишь ли тот высокий платан?

Сократ. Так что же?

Федр. Под ним есть тень и легкий ветерок, на той мураве мы можем сесть, а если захотим, то и лечь.

Сократ. Ступай же.

Федр. Скажи мне, Сократ, не здесь ли то место на Илисе, с которого, говорят, Борей похитил Орифию?

Сократ. Да, говорят.

Федр. Так неужели здесь? Воды действительно приятны, чисты и прозрачны, так что только девицам и резвиться в них.

Сократ. Не здесь, а ниже, стадии две или три не доходя до храма Агры. Там, кажется, есть и жертвенник Борею.

Федр. Что-то не заметил. Но скажи, ради Зевса, Сократ, думаешь ли ты, что это предание справедливо?

Сократ. Не было бы странно, если бы я, подобно людям мудрым, и не верил ему. Умствуя, как они, я сказал бы, что Борей был ветер, который, когда Орифия резвилась с Фармакеей на ближних скалах, низверг ее оттуда. Это-то и подало повод говорить, что покойница увлечена Бореєм, иначе, с Аресова холма; ведь рассказывают и так, что он похитил ее не отсюда, а оттуда.

Я думаю, Федр, что для подобных детских сказок нужен человек очень сильный, трудолюбивый и не слишком избалованный счастьем, по той единственно причине, что, кроме сего, ему надобно еще трудиться над исправлением вида гиппокентавров, потом химер, за которыми нахлынет целая стая горгон, пегасов и других необыкновенных природ, ужасающих своим множеством и своею уродливостью. Если бы неверующий, пользуясь какою-то дикою мудростью, захотел басне о каждом из этих чудовищ придать некоторое правдоподобие, то ему понадоби-

лось бы много досуга, а у меня для этого его вовсе нет. Причина та, друг мой, что я еще не могу, по смыслу дельфийской надписи, познать самого себя, а ведь смешным представляется, не зная этого, исследовать чужое. Итак, оставляя подобные предания в покое и веря тому, что о них думают, я, как сейчас сказано, рассматриваю не это, а себя: зверь ли я, много сложнее и яростнее Тифона, или животное кротчайшее наипростейшее, носящее в своей природе какой-то жребий божественности и незлобия. Но позволь мне прервать свою речь, друг мой; не это ли то дерево, к которому ты вел нас?

Федр. Да, это самое.

Сократ. Клянусь Герой, прекрасное убежище! Этот платан очень развесист и высок, рост и тень этого агнца превосходны – и какова же сила его цвета! Он может распространять благоговения по всему месту. Или опять – этот текущий из-под платана игривый источник столь холоден, что прохлада его вод ощутима даже для ноги. Судя по девическим изображениям и статуям, можно полагать, что это место было посвящено каким-нибудь нимфам и Ахелюю. Сверх того, если угодно, как приятен и сладок здесь ветерок! Его летний шелест вторит хору цикад. Но всего роскошнее эта мурава; легкая покатошь ее обещает склоненной голове удобное положение. Отличный проводник ты, любезный Федр!

Федр. А ты-то, чудак, представляешься чрезвычайно странным. Ты просто говоришь так, чтоходишь не на местного жителя, а на какого-нибудь иностранца, которому нужен проводник. Как же можно не отправляться из города в окрестности и даже, кажется, вовсе не выходить за его стену!

Сократ. Извини, почтеннейший, я ведь любознательный, но поля и деревья не хотят ничему научить меня, а люди – в городе. Вот ты-то, кажется, нашел средство вывести меня за город; потому что ты, подобно тому как ведут за собой голодную скотину, показывая ей зеленую ветвь или какой-нибудь плод, показываешь мне речи в свитке и, по-видимому, намерен водить меня по всей Аттике куда угодно. Впрочем, пришедши теперь сюда, я думаю лечь. А ты, избрав положение, удобнее для чтения, начинай читать.

Федр. Так слушай:

О моих делах ты знаешь и, как я думаю, слышал, что они будут полезны нам, если это состоится. Надеюсь, что ты не отвергнешь моей просьбы – именно потому, что я не влюблен в тебя. Влюбленные, когда страсть умолкает, раскаиваются в добрых своих делах, а у невлюбленных нет времени, в которое надлежало бы им раздумывать, – оттого что они всего лучше заботятся о домашнем, делают добро не по необходимости, а произвольно, сколько позволяют им силы.

Притом влюбленные наблюдают, что худого произошло у них из-за любви и что сделали они хорошего, и, присоединяя к этому понесенные хлопоты, думают, что их любимцам давно уже воздана должная благодарность. Напротив, невлюбленные по этой самой причине не могут ни выдвинуть предлогом нерадение о домашних, ни считать понесенные хлопоты, ни искать в этом причин размолвки с ближними; так что, отклонив столько зол, им не остается ничего более, как усердно делать все, что признают они для себя приятнейшим.

Притом опять, если влюбленных надобно высоко ценить, потому что они, как говорят, слишком любят тех, в кого влюблены, и что, в угоду своим любимцам, готовы словом и делом ненавидеть всех прочих, то легко понять, что те же самые влюбленные, если слова их справедливы, каждого из будущих своих любимцев предпочтут настоящим, причем даже в том случае, если тот захочет причинить им зло. Да и как можно подобное дело вверять человеку, впадшему в столь великое несчастье, что его никакой опытный человек не мог бы отвести? Ведь они и сами признаются, что более страдают, чем мыслят здраво, и, зная худое состояние своих мыслей, не имеют силы владеть собой. Как же могут здравомыслящие почитать хорошим то, чего желают такие больные? К тому же если бы ты захотел избрать самого лучшего из влюбленных, то избирал бы из немногих, а избирая из прочих, кто для тебя пригоднее, будешь избирать

из многих. Ведь гораздо более надежды встретить человека достойного дружбы в толпе многочисленной.

Если же ты боишься установившегося обычая, то есть как бы люди, узнав об этом, не стали поносить тебя, то влюбленные, думая, будто и другие завидуют им, как сами они друг другу, вероятно, с высокомерием расскажут и тщеславно откроют всем, что они недаром хлопотали; напротив, невлюбленные, будучи лучше их, вместо людской молвы изберут самое лучшее.

И еще, влюбленных по необходимости замечают, видя, как они и с какою заботливостью следуют за любимцами; так что, когда им случится разговаривать между собой на виду у людей, все думают, что разговор у них либо о прошедшей, либо о будущей страсти; напротив, невлюбленных никто не станет винить за беседу, зная, что нужно же говорить о дружбе или о каком ином удовольствии.

Притом если страшит тебя мысль, что нашей дружбе трудно быть постоянной и что в случае нашего разлада, хотя бы и от другой причины, мы оба подвергнемся неприятностям, то еще более, конечно, должен ты страшиться влюбленных, представляя, что потеря всего для тебя драгоценного нанесет величайший вред тебе одному. Ведь они огорчаются всякой безделицей и думают, что все направлено к их вреду, а потому удаляют своих любимцев от обращения с другими, боясь, что они найдут в ком-нибудь либо богача, который превосходит их своими деньгами, либо ученого, который выше их по уму, – вообще опасаются силы каждого, кто приобрел какое-нибудь благо. Внушая тебе держаться вдали от подобных людей, они ставят тебя вне дружеского общества; а когда ты, имея в виду свое, станешь размышлять лучше их – выйдет размолвка. Напротив, те, которые выиграли желаемое дело не любовью, а добродетелью, не будут завидовать общающимся с тобой людям, а возненавидят не желающих этого в той мысли, что последние оказывают тебе презрение, а первые – услужливость. Следовательно, есть надежда, что отсюда произойдет гораздо более дружеских, чем враждебных чувств.

Сверх того, многие из влюбленных обретают страсть к телу, прежде чем узнали нрав и развели о других свойствах, так что им еще не известно, захотят ли они остаться друзьями и тогда, когда страсть умолкнет. Что же касается до невлюбленных, то и прежде, будучи дружны, они делали это; а потому невероятно, чтобы их дружбу уменьшило такое дело, из которого для них проистекает удовольствие, скорее она останется памятником для будущего.

К тому ж, вверившись мне, ты, должно быть, сделаешься лучше, чем вверившись влюбленному; потому что влюбленные кроме истинно хорошего хвалят всякое слово и дело, частично из боязни быть отвергнутыми, а частично оттого, что под влиянием страсти и сами-то хуже понимают.

Ведь любовь показывает вещи так: несчастным она представляет в мрачном виде и то, что в других не возбуждает никакой скорби, а счастливых заставляет хвалить и не достойное удовольствия. Посему о любимых гораздо приличнее жалеть, чем завидовать им.

Если же ты вверишься мне, то я буду обращаться с тобой не служа только настоящему удовольствию, но думая и о будущей пользе, не подчиняясь любви, но владея собой, не ссорясь особо из-за безделицы но гневаясь легко и лениво даже за проступки важные прощая невольные преступления и стараясь отклонить от произвольных. Все это будет ручаться за долговременность нашей дружбы.

Если же тебе кажется, что дружба не может быть прочна без любви, то заметь, что мы не дорожили бы, следовательно, ни сыновьями, ни отцами, ни матерями и не имели бы верных друзей, с которыми соединяемся не этою страстью, а иными отношениями.

Притом если должно быть благосклонным особенно к людям, имеющим нужду, то из прочих приличнее делать добро не самым лучшим, а тем, которые более нуждаются, потому что за избавление себя от величайшего зла они воздадут и величайшую благодарность. Стало быть, на частный праздник надобно приглашать не друзей, а просителей и людей, имеющих

нужду в утолении голода: они будут и ласкать тебя, и ухаживать за тобой, и провожать тебя до дверей, и обнаруживать тебе свое удовольствие, и выражать немалую благодарность, и желать всех благ.

Впрочем, следует быть благосклонным к людям, может быть, не слишком нуждающимся, а к тем, которые имеют более возможности благодарить тебя, не к любящим только, а к стоящим дела, и не к тем, которые будут наслаждаться твоей красотой, а к тем, которые поделятся с тобой своим имуществом, когда ты постареешь. Это не те, что, сделавши дело, будут хвастаться перед другими, а те, что, удерживаясь стыдом, постараются перед всеми хранить молчание. Это не кратковременные твои угодники, а друзья – неизменные и на всю жизнь. Оставив страсть, они не будут искать предложения к ссоре, но станут проявлять свою добродетель и тогда, когда красота увянет.

Помня все доселе сказанное, заметь и то, что влюбленных друзья вразумляют, так как они позволяют себе действительно злое дело; а невлюбленных никто из домашних и никогда не бранит, что будто бы этим они делают себе зло.

Может быть, ты спросишь меня, всем ли невлюбленным я тебе советую оказывать благосклонность; но ведь и влюбленный, думаю, не приказывает тебе быть одинаково расположенным ко всем влюбленным, потому что и здоровое размышление не позволяет почитать каждого достойным равной благосклонности, да и невозможно тебе успеть в своем желании скрыться от других. Надобно, чтобы из этого дела не вытекало никакого вреда и чтобы польза была обоюдная.

Теперь я сказал все, что, по моему мнению, сказать надлежало; если же ты желаешь еще чего, что считаешь пропущенным, то спрашивай.

Что, Сократ, как тебе кажется речь? Не правда ли, что чрезвычайная по всему, а особенно со стороны языка?

Сократ. Чудесная, друг мой, я поражен, и притом глядя на тебя, Федр, смотря, как ты во время чтения будто бы таял от чтения. Будучи уверен, что такие вещи известнее тебе, чем мне, я следовал за тобой; а следуя за твоей восторженной головой, и сам приходил в восторг.

Федр. Ну, ты, уж кажется, шутишь?

Сократ. Как думаешь, я шучу, а не серьезно говорю?

Федр. Вовсе нет, Сократ. Но, ради Зевса, покровителя дружбы, скажи по правде, кажется ли тебе, что кто-нибудь другой из греков может рассуждать о том же предмете более и лучше?

Сократ. Что? Значит, я и ты должны теперь хвалить эту речь уже не за одну ясность, круглоту и точность выражений, но и за то, что писатель сказал в ней все нужное? Если надобно, доставим тебе это удовольствие, хотя последнего свойства в ней я, по своему тупоумию, не заметил. Ведь мое внимание, действительно, было обращено на одну ораторскую ее сторону, а в этом-то отношении и сам Лисий, думаю, не признал бы себя достаточным. Да и действительно, мне показалось, Федр, если ты не иначе понимаешь дело, что Лисий об одном и том же говорит два-три раза, значит, он не слишком способен рассуждать об одном и том же много или, быть может, он просто не заботился об этом. По-видимому, он забавлялся, стараясь показать, что умеет об одном и том же говорить и так, и иначе, и в обоих случаях отлично.

Федр. Пустяки, Сократ; это-то особенно и следует взять в расчет. Лисий в своем предмете не упустил из виду ничего, о чем стоило сказать; так что к сказанному им невозможно прибавить что-либо иное, достойное большей и длиннейшей речи.

Сократ. Все еще не могу поверить тебе. Если я соглашусь с тобой, то меня обличат мудрые мужчины и женщины древности, говорившие и писавшие о том же предмете.

Федр. Кто же это? Где ты слышал что-нибудь лучше этого?

Сократ. Вдруг теперь сказать не могу; но явно, что от кого-то слышал – либо от прекрасной Сапфо, либо от мудрого Анакреонта¹, либо от какого-нибудь повествователя. Но к чему догадки? Грудь моя как-то полна, почтеннейший, и я чувствую, что сам, кроме сказанного, могу сказать иное и не хуже. А так как самому мне никогда бы не придумать подобных мыслей – это дело известное, сознаюсь в своем невежестве, – то остается, думаю, заключить, что я почерпнул их из каких-то чужих источников и через слух влил их в себя, как в сосуд, а потом, по тупости памяти, и забыл, как и от кого слышал их.

Федр. Прекрасно сказано, благороднейший человек. Но если, несмотря на мою просьбу, ты не можешь припомнить, от кого и как слышал свои мысли, то сделай же, что говоришь: обещай, не повторяя написанного в этом свитке, сказать о том же предмете иное, что было бы лучше и не менее; а я обещаю, по примеру девяти архонтов, поставить в Дельфах золотое, во весь рост изображение не только самого себя, но и тебя.

Сократ. Ты прелюбезный и как будто в самом деле золотой Федр, когда понимаешь мои слова так, что Лисий во всем ошибся и что вместо всего этого можно сказать другое. Такой неудачи не случается, думаю, и с самым плохим писателем. Пример тут же, в самом содержании речи. Кто говорит, что лучше быть благосклонным к нелюбящему, нежели к любящему, тот упустит ли, думаешь, из виду хвалить благоразумие одного и порицать безумие другого? Ведь это необходимо, и неужели тут можно высказать нечто иное? Нет, я полагаю, что это-то надобно допустить и простить говорящему. В подобных речах должно хвалить не изобретение, а расположение; напротив, где такой необходимости не представляется и где изобретение было трудно, там кроме расположения ценится и изобретение.

Федр. Соглашаюсь с твоим мнением, потому что ты говоришь последовательно. Скажу же и я так: даю тебе предложение, что любящий страдает более нелюбящего, и если ты скажешь об этом что-нибудь иное, большее и достойное большего развития, чем сказал Лисий, то стоять тебе вычеканенным в Олимпии, близ священного приношения Кипселидов.

Сократ. Ты серьезничаешь, Федр, полагая, что я, по поводу твоей любви, решил шутить над тобой; ты таки думаешь, что я и в самом деле намерен сказать нечто другое, более разнообразное, чем сказал мудрый Лисий.

Федр. Что касается до этого, друг мой, то ты попал в свою же ловушку: тебе не остается ничего более, как говорить сколько можешь. А чтобы избавиться от необходимости вымышлять грубые остроты комиков и обмениваться ими, то поберегись и не заставляй меня повторить собственные твои слова: Если я, Сократ, не знаю Сократа, то забыл и себя, также: Хотел бы говорить, да жеманится. Подумай-ка, ведь мы не уйдем отсюда, пока ты не выскажешь всего, чем, как признался, полна твоя грудь. Здесь мы одни в пустом месте; я сильнее и моложе тебя – так из всего этого ты поймешь смысл моих слов. Не дожидайся же принуждения, лучше говори по собственной охоте.

Сократ. Ох, почтеннейший Федр! Ведь я покажусь смешным, когда со своим простым умом и без приготовления буду состязаться с отличным писателем.

Федр. Знаешь ли что? Перестань притворяться передо мной, ведь у меня есть нечто, что заставит тебя говорить.

Сократ. Ты не скажешь такого.

Федр. Так скажу же, вот тебе честное слово! Даже клянусь тебе кем? Которым богом? Ну хочешь – этим платаном, а? Не произнеси ты речи в сравнение с Лисиевой – никогда никакой другой и ничьей не покажу тебе и не прочитаю.

Сократ. Ах злодей! Умел же найти средство заставить любителя речей исполнять свою волю!

Федр. Ну как еще увернешься?

¹ Греческие поэты.

Сократ. Как более, если уж ты так поклялся? Могу ли удержаться от такого лакомства?
Федр. Говори же.

Сократ. Знаешь ли, что я сделаю?

Федр. Что такое?

Сократ. Буду говорить закрыв глаза, чтобы как можно скорее закончить и чтобы, не смотря на тебя, не заикаться от стыда.

Федр. Только говори, а там делай что хочешь.

Сократ. Придите же, о музы Лигурии, получившие это прозвание либо от вида своих песнопений, либо от музыкального поколения лигуров, придите и помогите мне начать свое слово, к произнесению которого принуждает меня этот превосходный человек. Пусть друг его, и прежде казавшийся ему мудрым, теперь покажется еще мудрее.

Итак, был себе мальчик или, лучше, изнеженный ребенок, очень красивый. Его окружало великое число друзей, из которых один отличался особенной хитростью. Любя мальчика, как и другие, он уверял, что не любит его, и однажды начал доказывать, что к нелюбящему надо иметь больше благосклонности, чем к любящему. Вот что говорил он:

Людам, приступающим с размышлением к какомунибудь совещанию, мальчик мой, всегда необходимо для начала узнать, о чем будет совещание, а иначе погрешности неизбежны. Между тем многие и не замечают, что им неизвестно существо каждого из предметов. Почитая себя знатоками, они не хотят при самом начале понять силу вопроса и оттого впоследствии расплачиваются, то есть бывают не согласны ни с самими собой, ни с другими. Итак, я и ты не должны подвергаться тому, в чем упрекаем прочих, но, когда предложен нам вопрос, кого лучше избрать себе другом – любящего или нелюбящего, мы обязаны наперед условиться в понятии, что такое любовь и в чем состоит она, а потом, приняв это понятие за основание, смотря и ссылаясь на него, исследовать, полезна ли она или вредна.

Всякий знает, что любовь есть некоторая страсть; известно также, что страсть к прекрасному свойственна и нелюбящему; итак, чем отличить любящего от нелюбящего? Надобно заметить, что в каждом из нас есть господствующие и руководительные идеи, вождению которых мы повинемся: одна – врожденная страсть к удовольствиям, другая – приобретенное мнение, влекущее к наилучшему. Эти идеи у нас бывают то согласны, то враждебны между собой, и иногда одна из них берет перевес, иногда другая. Если пересиливает мнение и разумно ведет человека к наилучшему, то такому перевесу мы даем имя рассудительности, а когда овладевает им страсть и бессмысленно влечет его к удовольствиям, управляющую им силу называем необузданностью. Впрочем, необузданность имеет много названий, потому что она многочисленна и разнovidна; и какой из ее видов в человеке особенно проявляется, такое получает он и имя, а названия хорошего и почтенного не удостоивается. Например, страсть к еде, получая перевес над расположением к наилучшему и над всеми другими страстями, называется обжорством и сообщает свое имя тому, кто ее имеет. Явно также, какое название дает человеку господствующая страсть к пьянству, когда она управляет им. Вообще очевидно, каковы должны быть имена родственных с этими страстями, когда какая-нибудь из них становится владычествующей.

Причина, почему предварительно говорится обо всем этом, явствует почти сама собой: сказанное как-то яснее того, что не сказано. Страсть, чуждая ума и получившая перевес над мнением, стремящимся к правому; страсть, влекущаяся к удовольствию красоты и сильно укрепляющаяся от течения в нее других, сродных с нею страстей, направленных к красоте телесной; страсть, побеждающая вождением и заимствовавшая свое имя от самой силы, – эта страсть есть любовь.

Не замечаешь ли и ты, любезный Федр, как я, что во мне действует божественное вдохновение?

Федр. В самом деле, Сократ, ты, против обыкновения, так и увлекаешься каким-то потоком речи.

Сократ. Слушай же меня и молчи. Видимо, это место действительно священное, а потому не удивляйся, если во время своей речи и я часто буду пленником нимфы. Ведь и теперь-то сказанное почти уже звучит дифирамбом.

Федр. Весьма справедливо.

Сократ. А все ты причиной. Однако ж слушай далее, иначе наитие, пожалуй, и оставит меня. Да об этом пусть печется бог, а мое дело – продолжать беседу с мальчиком:

Хорошо, мой милый; теперь предмет нашего совещания высказан и определен. Будем же, смотря на него, говорить о прочем, то есть что полезного или вредного получит от любящего и от нелюбящего тот, кто им уступает?

Кто покорствуется страсти и служит удовольствию, тому необходимо сделать своего любимца для себя самым приятным. Больному же все приятно, что не противится; а что лучше его или равно ему, то враждебно. Поэтому любящий не потерпит, чтобы его любимец был либо лучше его, либо равен ему, но приготовит в нем лицо ниже и хуже себя. А ниже умного бывает невежда, ниже мужественного – трус, ниже говоруна – бессловесный, ниже быстрого – медленный. Если в любимце находится столько или более умственных недостатков, частично приобретенных, частично врожденных, то любящий необходимо радуется последним, первые же старается скорее создать, чем лишиться настоящего удовольствия.

Таким образом, он непременно бывает завистлив и становится причиной великого вреда, запрещая любимцу входить во многие полезные сообщества, через которые он мог бы развиваться в мужа, – а еще более вредит ему, запрещая те беседы, благодаря которым он развил бы свой ум. Именно такова божественная философия: от нее любящий непременно гонит прочь своего любимца, боясь, как бы он не одумался. Вся его забота клонится к тому, чтобы последний ничего не знал и чтобы, видя только любящего, был для него самым приятным, а для себя самым вредным. Итак, что касается ума, то человек, одержимый любовью, есть попечитель и товарищ, ни к чему не годный.

После этого надобно рассмотреть, каково попечение его о состоянии тела, как заботится о покорном себе теле тот, для кого необходимо приятное предпочитать доброму. Мы увидим, что он преследует какого-нибудь неженку, а не черствого, воспитанного не под солнечными лучами, а в густой тени, не знакомого с мужскими трудами и сухим потом, но привыкшего к нежной и женоподобной жизни, украшающегося чужими красками и косметическими средствами, за недостатком собственных, и любящего все в этом роде. Дело ясное, о котором не стоит более и говорить. Мы определим это одной общей чертой и потом перейдем к другому. Ведь при взгляде на подобное тело – как на войну, так и в иных нужных и важных случаях – враги делаются смелее, а друзья и сами любящие робеют. Истина ясная, оставим ее.

Теперь следует сказать, какую пользу или вред доставляет сообщество и попечение любящего по отношению к имуществу любимца. Всякому, без сомнения, известно, а особенно любящему, что он более всего желал бы видеть своего любимца лишенным самых милых, самых добрых и самых божественных достояний, то есть желал бы видеть его без отца, без матери, без родственников и друзей, которых считает помехой для себя и укором за сладкое с ним обращение. Что же касается больших денег или другого имения, то владеющего этим, думает он, нелегко поймать, а если он и пойман, то нелегко делается ручным. Оттого любящий по всей необходимости завидует любимцу, когда тот богат, и радуется, когда он лишился имения. Кроме того, ему хотелось бы, чтобы любимец его как можно дольше оставался безбрачным, бездетным и бездомным, потому что он желает как можно дольше наслаждаться приятностью своего обращения с ним. Есть тут много и других зол, но какой-то демон примешал к ним удовольствие в настоящем, подобно тому как к лести – страшному зверю и великой гибели – природа примешала какую-то тонкую приятность. Можно порицать площадную женщину

как существо вредное; можно порицать и иное подобное тому в нашей всякой всячине, что, однако ж, ежедневно доставляет нам особенное наслаждение; но любящий для любимца не просто вреден, он и по ежедневному обращению с ним всего несноснее. Ведь есть старинная пословица, что возраст возрасту рад, потому, думаю, что равенство лет, располагая людей к подобным удовольствиям, через то рождает в них дружбу; впрочем, и их связь все-таки наконец насыщается. Но что сказать о необходимости, которая считается тяжелой для всякого и во всем? А между тем ею-то особенно, кроме неравенства лет, любящий связывает любимца. Старик, обращаясь с молодым, добровольно не оставляет его ни днем ни ночью, но возбуждается необходимостью и тревогой такой страсти, которая, посредством непрестанного прилива удовольствия, направляет к любимцу и его зрение, и слух, и осязание, и все чувства, так что, прильнув к нему, он всецело к его услугам. И при всем том последний-то какое получает отсюда утешение, какую радость, чтобы подобное препровождение времени не надоело ему до крайности? Какая радость смотреть на старое и некрасивое лицо, обставленное всем прочим, о чем и говорить и слушать неприятно, да еще, по требованию необходимости, и прикасаться к нему? Что за удовольствие – остерегаться караульных, подсматривающих за ним всегда и во всяческих отношениях, слушать неблаговременных и приторных хвалителей или принимать укоризны, которые и от трезвого несносны, а от пьяного, кроме того, еще срамны, потому что пьяный позволяет себе невыносимую и слишком откровенную дерзость?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.